

это 22 января 1945 года. Рана оказалась настолько тяжелой, что ему пришлось навсегда оставить службу в рядах армии.

За героизм и мужество В. В. Сокерин был награжден Орденом Отечественной войны I степени, орденом Отечественной войны II степени, орденом Красной Звезды, орденом Славы III степени, медалью «Партизану Отечественной войны» I степени¹⁹².

5. И рапорт сдан, и акт подписан

Василий Павлович Дурнев

Он стал известен в аппарате ЦК ВКП(б) уже через четыре месяца после начала партизанских действий в северной части Брянского леса. Василий Дурнев командовал тогда комсомольско-молодежным отрядом, в котором насчитывалось 25 бойцов. Он стал настоящим открытием для Орловского обкома партии, который нуждался в ярких примерах высокой боевой активности партизан, чтобы достойно выглядеть в аппарате ЦК в качестве организатора народного Сопротивления.

Первый секретарь Орловского обкома партии А. П. Матвеев, информируя ЦК в феврале 1942 года о боевых действиях партизан и состоянии тыла противника в области, рассказал, как в январе 1942 года небольшая группа лесных «солдат» под руководством Дурнева совершила налет на отделение полиции поселка Сельцо. После короткого разговора с начальником полиции Дурнев расстрелял его и находившихся там еще трех полицейских. Захватив с собой станковый пулемет, 15 винтовок и 25 тысяч советских денег, партизаны покинули полицейский участок¹⁹³.

Поступок Дурнева был оценен как образец партизанского контроля жизни населенных пунктов на временно оккупированной фашистами территории обширного региона.

Партизанский стаж В. Дурнева начался с 19 лет, а уже через два месяца он сменил на посту командира Ивана Коренкова, однажды проявившего малодушие. С тех пор Василий Павлович неже ступеньки командира отряда – роты – группы не опускался, а впоследствии стал командиром и всего Орджоникидзградского партизанского отряда.

¹⁹² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 687572. Д. 447.

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 206. Л. 78, 79.

Его путь к командирской должности не был связан с погоней за карьерой. Он в принципе не стремился к личному благополучию. Это был человек активного действия. Он привлекал внимание к себе поступками, и через них происходило его влияние на других.

Михаил Гудаков, 25-летний командир роты Орджоникидзградского партизанского отряда, вспоминал тревожные дни, когда после нападения карателей на первый партизанский лагерь ему и его товарищам довелось создавать новую стоянку: *«Решение о месте обоснования нового лагеря было общим. В этом участвовали политрук И. В. Локтюхин, партизаны В. И. Прокопович и Н. И. Фетисов. Мы были оторваны от основной базы. Положение в роте усложнилось – истощились продовольственные запасы. Люди начали беспокоиться. Отдельные товарищи даже высказывали мнение о несостоятельности борьбы с врагом. Это происходило в конце октября 1941 года, когда немцы активно наступали и возникла угроза захвата Москвы. Моральное состояние в роте упало. Более того, отдельные лица стали покидать отряд. Выход был один – немедленно приступить к боевым операциям»*.

Среди тех, кто не задумываясь поддержал идею активного сопротивления, был и комсорг роты Василий Дурнев.

Он всегда был в числе первых, кто поддерживал рискованные шаги. При этом никто не мог заподозрить Дурнева в авантюризме. Он в исключительных случаях что-то предпринимал в расчете на случайный успех. В его боевой биографии насчитываются десятки операций, диверсий, взрывов на большаках. Удачному исходу многих дерзких акций чаще всего способствовало то, что молодой командир не совершал каких-либо действий без изучения обстановки, в которой он мог оказаться. Он умел «прочитывать» данные разведки, а иногда даже предвидеть возможный ответ противника, быстро принимать решение в непредвиденной ситуации – в этом проявилась яркая индивидуальность Василия Павловича Дурнева.

Но ему помогали не только смелость, находчивость, хорошо развитая интуиция, но и обстоятельность, воспитанная с детских лет. Он вырос в крестьянской среде, в которой мужчина обязан был проявлять самостоятельность и активность.

Однажды Дурнев взялся написать историю своего рода, но так и не завершил рассказ о своем генеалогическом дре-

ве. Но то немногое, что он успел сделать, объясняет основные черты его натуры и, соответственно, стиль командования.

Василий Дурнев был выходцем из потомственного крестьянского рода, который не бедствовал, а твердо стоял на ногах. Его дедушка по линии отца Андрей Тимофеевич Дурнев имел восьмерых детей, пятеро из которых были мальчиками. Каждому из братьев, когда они женились, старший Дурнев построил по добротному кирпичному дому с надворными постройками и строениями для хранения зерна и фуража. А также выделил лошадь, корову, овец – стартовый капитал, как принято сегодня говорить. Отец Дурнева получил от родителя «безвозмездный кредит» в виде двух лошадей, коровы, 10 овец, кур, свиньи и кабана и большое подворье.

Земли в собственности у Дурневых было много, так как царское правительство выделяло крестьянину землю, когда рождались мальчики – их, напомним, у Андрея Тимофеевича, прадеда Дурнева, было пятеро.

«Дедушка, – пишет Василий Павлович, – был зажиточным и уважаемым в деревне. Как пример, бабушку и дедушку похоронили не на общем кладбище, а на территории церкви. Это вроде как в Москве – на Красной площади».

Во многом именно позицией и деятельностью человека, воспитанного в разумной и трудолюбивой семье русского крестьянина, объясняется поведение Василия Дурнева в партизанском отряде. Он пришел в лес не спастись от врага, а надежно обустроиться, чтобы иметь силы и возможности вести борьбу. Вместо примитивных ям и погребов для временного скрытого жилья его небольшой отряд выстроил для себя «благоустроенные» землянки – с окнами и дверями. Его бойцы были хорошо вооружены, дружны между собой.

Он воевал с желанием, выдумкой и энтузиазмом. Неслучайно схожий с ним по характеру командир Дятьковской партизанской бригады Григорий Орлов вопреки мнению Орловского обкома партии снял с должности командира Орджоникидзеградского партизанского отряда Т. Шпадырева и утвердил вместо него молодого В. Дурнева. Именно этот командир стоял во главе орджоникидзеградских партизан, когда шли сражения за освобождение города от врага.

Если А. И. Виноградов вошел в историю партизанского движения на Брянщине как первый командир орджоникид-

зеградских партизан, то В. П. Дурнев стал командиром, в ноябре 1943 года скрепившим своей подписью последний рапорт о боевой деятельности Орджоникидзеградского партизанского отряда им. Виноградова за период с 8 октября 1941-го по 16 сентября 1943 года.

Это было заключительное служебное донесение партизанского лидера, командира отряда лейтенанта Дурнева на имя начальника Западного штаба партизанского движения полковника Прохорова.

Но на рапорте дело не закончилось. В. П. Дурнев оставил после себя дневники. В них он изложил свое видение истории Орджоникидзеградского партизанского отряда. Он писал отрывками, когда уже были прожиты годы в Москве. В прошлом партизан и комсомольский работник, он достиг должности заместителя начальника Главного управления Госстраха РСФСР.

Трудно определить жанр того, что им было сделано. Это и расширенный рапорт, и обстоятельный доклад, и охватывающий обширную тематику отчет, и даже рассказы, объединенные документальной повестью.

Однако дело не в жанре. В своем литературном наследии В. П. Дурнев пытался описать очень важный для него опыт – опыт борьбы за себя, за Родину, за товарищей.

Правда, он не избежал соблазна романтизации опыта партизанской борьбы. В отдельных эпизодах автор не до конца откровенен. Но это, наверное, нельзя назвать его стремлением подлакировать действительность. Возможно, Дурнев считал какие-то моменты не главными (я постараюсь показать это на примере описания им боя в деревне Корчминка).

И все же надо признать, что Дурнев сумел изобразить факты, в которых запечатлены реальные заботы и проблемы брянских партизан, некоторые особенности их боевой деятельности.

В литературной работе ему помогала его верная спутница и подруга – Анна Андреевна Пантюхова, с которой он познакомился в партизанском отряде. Они стали мужем и женой и прожили в браке почти полвека. Супруги вместе воевали в Брянском лесу, вместе исписали сотни страниц, которые составили их домашний архив.

Публикация отдельных страниц дневников, стиль, язык и манера изложения материала характеризуют Василия

Павловича Дурнева как патриота страны. Когда знакомишься с литературными записями пятого командира орджоникидзградских партизан, то перед глазами возникает новый тип партизанского руководителя, появившегося незадолго до освобождения Брянщины от фашистской оккупации.

Основополагающая черта этого типа — отказ от наказания подчиненных как метода подавления личности. Дурнев отверг страх как инструмент влияния на человека. Он отдавал предпочтение личному примеру. Это был тип руководителя, которого принято называть заводилой. Живой, энергичный, он всегда выступал выдумщиком и зачинщиком дерзких диверсий и нападений на противника.

Бесстрашный, нередко, правда, до бесшабашности, он отдавал предпочтение внезапности нападения на врага. С приходом Дурнева на пост командира отряда отчетливо прослеживается появление на сцене лесной войны представителя нового поколения командиров, не втянутых в политическую жизнь страны и не обремененных целым рядом условностей уставной изоляции большевиков.

Его жизненный и трудовой довоенный опыт прошел вне прямого влияния партии большевиков¹⁹⁴. Воздействие политической среды на формирование его характера было минимальным, что представляло ему как минимум возможность оставаться самим собой — каким его взрастила здоровая и твердая крестьянская семья, в которой царил культ мужской самостоятельности. А пропаганда неизбежности предстоящей войны не пугала молодого и активного рабочего парня, так как он хотел проявить себя в опасной ситуации.

До начала Великой Отечественной войны Василий Дурнев успел окончить 7 классов, поступить в техникум, чуть больше двух лет поработать слесарем на МТС и электросварщиком на заводе «Красный Профинтерн».

Со скромным набором социальных привычек и навыков он пришел в партизаны. Лесная действительность — со всеми ее надеждами и опасностями — стала для него хоть и коротким, но запоминающимся первым настоящим опытом жизни и борьбы.

Впрочем, читатели сами могут в этом убедиться, познакомившись с отрывками из дневников Василия Павловича Дур-

¹⁹⁴ В. П. Дурнев был принят в ряды ВКП(б) в феврале 1943 года.

нева, и сравнить их содержание с другими публикациями, которые не всегда совпадают с оригиналом.

Карчминка¹⁹⁵

Карчминка. Небольшая деревенька, обнесенная со всех сторон лесом. По приказанию командира объединенного партизанского отряда А. И. Виноградова мне было поручено занять Карчминку, куда наш отряд пришел 30 апреля 1942 года.

Вечером провели торжественное собрание, а затем — концерт художественной самодеятельности силами партизан. Участвовали Николай Зинов, Вася Корявченков, Витя Калашников, Вася Захаренков, Володя Новиков, Аня Дурнева, Саша Самочкин, Володя Маевский, Саша Корнеева. А после самодеятельности пляска чуть не до утра.

Рано утром я решил проверить посты, и к моему удивлению начальник караула Николай Макаров сообщил мне, что дозор в направлении Сельцо и Хотылево не послан, а там расположены большие немецкие гарнизоны.

Николай Макаров в срочном порядке разбудил Ваню Васюткина и Витю Калашникова и послал их в дозор. Я уже потом не ложился спать, ходил по селу.

К удивлению, дозорные едва только подошли к роще, как обнаружили немцев и пустились бежать назад, в село. Когда мы увидели с Николаем Макаровым, что обратно быстро бегут Васюткин и Калашников, я, не дожидаясь их, отдал приказ «В ружья!» — и партизаны заняли оборону. Когда прибежали Калашников и Васюткин, они сообщили, что немцев свыше 500 человек, они вооружены пулеметами, автоматами, имеют даже две пушки и что начали окружать населенный пункт.

Силы были неравные. Но я решил село без боя не отдавать.

Фашистов подпустили на близкое расстояние. Они шли очень быстро, во весь рост, видимо, были убеждены в том, что партизаны спят. Но вдруг для них неожиданно ударили пулеметы и минометы. Все, кто шел в первой цепи, а их было свыше 150, были в упор расстреляны, а вторая цепь немцев залегла на поле, остальные зашли в колхозный сарай и начали вести по партизанам огонь.

¹⁹⁵ Название этой деревни В. Дурнев писал в первом слове через «а». Это название сохранилось при перепечатке оригинала.

Пулеметчик Володя Маевский, для того чтобы удобнее расстреливать фашистов, забрался на крышу одного из домов, установил пулемет около трубы и начал расстреливать немцев, ему активно помогал его второй номер Володя Новиков. Николаю Зинову, Ане Пантюховой и Саше Корневой меткими выстрелами из миномета удалось зажечь сарай, в котором было большое скопление немцев. Как только сарай загорелся, партизаны еще больше усилили огонь, и часть фашистов сгорела в сарае. Тогда немцы вынуждены были отступить.

После того как фашистам не удалось врасплох застать партизан и после неудачных двух атак они отошли и начали обстреливать из артиллерии деревню и подтягивать свои резервы, а мы в это время всех жителей Карчминки вывели в лес и сами отошли в лес. Немцы до самого вечера вели обстрел населенного пункта и только вечером зашли в деревню, где никого уже не было за исключением одной 75-летней старухи, которая спряталась в подвале, и в подвале же её и расстреляли, деревню полностью сожгли.

В этой боевой операции особо отличились: Володя Маевский, Володя Новиков, Коля Зинов, Николай Макаров, Жорж Скрементов, Аня Пантюхова, Филя Гальпер, Костя Прокопович, Дмитрий Анискин, Володя Кравченков, Витя Калашников, Саша Самошкин, Вася Савельев, Артем Паршиков, Лука Михалкин, Анатолий Титов, Вася Ковриценков, Маркин, Денисов.

На этом месте В. Дурнев поставил в рукописи точку. О том, с какой целью пришел отряд в Карчминку и что происходило потом, рассказал В. П. Корявченков. В его интерпретации картина, нарисованная Дурневым, выглядела иначе: *«Приближалось 1 мая 1942 года. Партизаны решили широко отметить любимый праздник трудящихся всего мира. Накануне, 30 апреля, группа комсомольцев отправилась в деревню Карчминку проводить торжественное собрание. В самый разгар вечера постовые сообщили о приближении крупного карательного отряда. Нас было семнадцать. Забравшись под крыши домов, мы создали круговую оборону. Патронов и гранат было достаточно. Мы близко подпустили врага и встретили его дружным прицельным огнем. Вслед за автоматными очередями полетели гранаты... Убито было около семидесяти фашистов и полицейев.*

В этом бою мы потеряли любимого товарища – комсомольца Витю Калашникова»¹⁹⁶.

Одно событие – два рассказа. Кто из авторов точнее изложил то, что произошло, вряд ли возможно установить. Но Корчминка со всей очевидностью показала, что жизнь лесных солдат не ограничивалась одними боями. Партизанам, особенно молодым, было свойственно стремление к празднику, даже в условиях лесной жизни. Концерты, любовь, песни, танцы – все это существовало в реальности. Походы, засады, диверсии и разведка не убивали в людях стремления к простым и неизбежным радостям жизни.

Группа молодых бойцов во главе с командиром, устроив для себя веселье, была хорошо вооружена. Партизаны, конечно, проявили известную самонадеянность, командир – некоторую беспечность.

Но в момент опасности и Дурнев, и его товарищи смогли собраться, принять неравный бой и одержать победу.

И здесь авторы не противоречат друг другу.

Операция в поселке Цементный

Многое зависело в этой операции от Лены Хромовой и Ани Пантюховой. Им было поручено провести разведку. Нелегким был этот путь в поселок Цементный. Во-первых, потому что там располагался большой гарнизон немцев, кроме того, подход к поселку можно было сделать только через большой открытый луг и усиленно охранявшуюся железную дорогу.

Разведчицы остановились у матери Лены Хромовой, которая по заданию нашего отряда работала в немецком штабе. Им удалось получить данные о расположении гарнизона, его вооружении и размещении. Немцы не ожидали нас, они весело праздновали Рождество. Это облегчило выполнение нашей задачи. Нам удалось уничтожить 36 немцев. Мы увезли с собой много оружия, продукты, скот, одежду.

Взрыв Хотылевского моста

По приказанию А. И. Виноградова нужно было взорвать железнодорожный мост. Выполнение этого задания было поручено трем отрядам – моему, Шпадырева и Кузнецова. Общее руко-

¹⁹⁶ См.: Взрывы на большаке: Воспоминания участников партизанской борьбы на Брянщине. Брянск: Брянский рабочий, 1963. С. 300–301.